

В. П. Мотревич*

АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА К УСЛОВИЯМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА УРАЛЕ

Исследуются нормативные акты разного уровня, направленные на адаптацию аграрного сектора советской экономики к условиям Великой Отечественной войны. Показаны изменения в материально-техническом обеспечении сельского хозяйства, охарактеризованы предпринимавшиеся в СССР меры по сохранению машинно-тракторного парка в рабочем состоянии. На примере Уральского региона прослеживается состояние трудовых ресурсов в аграрном секторе, анализируются нормативные акты, направленные на решение проблемы нехватки массовых и руководящих кадров сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Великая Отечественная война, машинно-тракторный парк, электрификация сельского хозяйства, административные меры, массовые и руководящие кадры сельского хозяйства

The enactments of different levels directed on reorganization of the Soviet rural economy in relation to Great Patriotic War conditions are investigated. Changes in financial and technical providing of agriculture are shown. The measures that were taken in the USSR to preserve a machine and tractor fleet in operational state are examined. There is an analysis of labour resources in agriculture on the example of the Ural region. The measures for solving the problem of a lack of mass and leading personnel of agriculture are considered.

Key words: agriculture, the Great Patriotic War, machine and tractor fleet, agricultural machinery storage, agriculture electrification, administrative measures, mass and leading personnel of agriculture

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, которая потребовала адаптации народного хозяйства СССР к условиям военного времени. В отечественной историографии имеется ряд работ, посвященных перестройке сельского хозяйства СССР того периода¹. В данной публикации основное внимание уделено изданным в первые военные годы нормативным актам, направленным на приспособление сельского хозяйства СССР к новой обстановке, и их реализации в Уральском регионе.

30 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об автотракторном и гужевом транспорте, поставленном для Красной Армии»². Изъятый в порядке мобилизации транспорт принимался Наркоматом обороны от государственных и общественных организаций бесплатно, а от колхозов и отдельных лиц — за плату. В течение 1941–1942 гг. число грузовых автомашин в сельском хозяйстве Урала уменьшилось

* Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). E-mail: motrevitch@isnet.ru.

¹ Анисков В. Т. С полей колхозных на поля сражений 1941–1945. Ярославль, 1975; Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М., 1970; Лихоманов М. И. Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942). Л., 1975; Мотревич В. П. Машинно-тракторные станции на Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрный вестн. Урала. 2013. № 4. С. 36–43; Его же. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны // В. И. Ленин и опыт социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1990. С. 91–92; Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002 и др.

² Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов. Кн. 1. М., 1967. С. 332.

с 20,3 тыс. до 6,3 тыс., т. е. в 3,2 раза. Сократилось количество тракторов и другой сельскохозяйственной техники¹. В условиях войны, когда новая техника на село практически не поступала, аграрному сектору потребовалась организация своевременного ремонта имеющейся техники, снабжение ее запасными частями и горючим. Поскольку промышленность, перестраиваясь на военный лад, не могла удовлетворить потребности села, следовало принимать срочные меры, одной из которых стало движение за реставрацию запасных частей. Важную роль в его возникновении сыграл комсомол. 20 января 1942 г. ЦК ВЛКСМ постановлением «О выявлении и сборе комсомольскими организациями запасных частей для тракторов и других сельскохозяйственных машин»² одобрил инициативу комсомольцев и молодежи по сбору запасных частей, инструмента и металла для ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин и обязал все комсомольские организации ей следовать. Для сбора запасных частей создавались бригады по 3–5 наиболее инициативных комсомольцев.

В январе 1942 г. газета «Правда» опубликовала сообщение о комсомольцах и молодежи Иловлинской МТС Сталинградской (ныне – Волгоградской) области, предложивших собирать запасные части, инструменты и отходы металла для ремонта техники³. Предложение поддержали во многих областях страны, в том числе на Урале. Колхозники и работники МТС, все сельские жители собирали старые инструменты, детали и реставрировали их. В 1942 г. только в Челябинской области сельчане собрали 353 тыс. деталей для тракторов и 8,6 тыс. – для автомобилей⁴. Реставрация запасных частей позволила частично заменить недостающие, однако желаемых результатов не принесла. Зимой 1942–1943 гг. Каракульская МТС Челябинской области была передовой по реставрации деталей и ремонту техники. Но уже на весеннем севе оказалось, что реставрированные запасные части стали причиной больших поломок. В Тюбукской МТС этой же области, наоборот, при ремонте запасные части почти не применялись, по сравнению с Каракульской МТС производительность тракторного парка в Тюбукской была в два раза выше⁵. Восстановленные запасные детали быстро изнашивались, приводили в негодность взаимодействующие с ними детали. В результате машинно-тракторный парк работал на износ.

Проблему нехватки запасных частей на селе пытались решить и в последующие годы. Так, осенью 1942 г. в каждой области создавались постоянные комиссии для выявления изношенных автомобилей и списания их с баланса хозяйств. В ноябре 1944 г. СНК СССР обязал Главное управление трофейного вооружения НКО СССР беспрепятственно отпускать со своих баз местным органам Наркомзема СССР детали разбитых тракторов и автомашин, поступающих с фронта⁶.

Одновременно для сохранения материально-технической базы сельского хозяйства в стране широко применяли чрезвычайные меры. В начале 1943 г. СНК СССР и ЦК партии предупредили председателей облисполкомов и первых секретарей обкомов об их персональной ответственности за своевременную подготовку сельскохозяйственной техники к весенним полевым работам. Участилось применение административных мер и на местах. На состоявшемся в марте 1943 г. XVI пленуме Свердловского обкома ВКП(б) директора и начальники политотделов многих МТС были предупреждены о том,

¹ Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург, 1993. С. 46–65.

² Экономическая жизнь СССР. Кн. 1. С. 343.

³ Правда. 1942. 28 янв.

⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 485. Оп. 1. Д. 884. Л. 138.

⁵ Там же. Ф. 1378. Оп. 4. Д. 265. Л. 35.

⁶ Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. Челябинск, 1945. С. 35.

что виновные в провале ремонтных работ будут строго наказываться за срыв весеннего сева в военное время¹.

Однако принимаемые меры себя не оправдали, качество ремонта по-прежнему оставалось низким. В 1943 г. в Березинской МТС Челябинской области из 61 трактора удалось отремонтировать лишь 20². ЦК ВКП(б) обратил внимание первого секретаря обкома Н. С. Патоличева на неудовлетворительное руководство ходом ремонта. Однако было очевидно, что одними административными мерами проблему не решить. Поэтому в ноябре 1943 г. ЦК ВКП(б) потребовал от партийных организаций провести своевременный ремонт тракторов, обеспечить производство запасных частей для сельского хозяйства и послать в помощь селу бригады квалифицированных рабочих и инженеров³.

В 1930–1950-е гг. МТС испытывали серьезные трудности при хранении сельскохозяйственной техники. В некоторых после окончания полевых работ тракторы и сложные сельскохозяйственные машины доставлялись на центральные усадьбы, где их очищали от грязи и пожнивных остатков, снимали с комбайнов полотна, транспортеры, ремни, цепи и оставляли на хранение в сухих складских помещениях. Технику помещали в сараи или под навесы, а когда помещений не было, отводили под нее площадки для безгаражного хранения, обкладывали машины деревянными щитами или соломенными матами. Простейшие сельскохозяйственные машины, не требующие сложного ремонта, после приведения в порядок передавались в колхозы под сохранные расписки их правлений.

Большому количеству машин требовались новые гаражи, сараи, навесы. Колхозы их не строили, ссылаясь на то, что сельскохозяйственная техника не их собственность. Часто МТС, не имея достаточного количества помещений, хранили ее под открытым небом, что усиливало физический износ машин. Так, в полную негодность приходили не закрытые от атмосферных осадков ремни и полотна, а также семяпроводы у сеялок. В годы войны многие МТС из-за нехватки транспортных средств после завершения сельскохозяйственных работ оставляли технику в поле. В 1942 г. на колхозных полях оставили все свои тракторы и комбайны Батуринская и Ларинская МТС Челябинской области⁴. К весне машины оказались полностью разукомплектованы и потребовали капитального ремонта.

В связи с этим СНК СССР и ЦК ВКП(б) в ноябре 1942 г. приняли постановление «О хранении тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС», в котором указывалось на необходимость доставки техники на усадьбы МТС и подготовки ее к зимнему хранению. С этой же целью приказом Наркомзема СССР от 29 ноября 1942 г. № 402/м был введен инспекторский контроль за хранением тракторов и сельскохозяйственных машин в МТС⁵. Инспекторам (из состава инженерно-технических работников областных земельных отделов) предоставлялось право взыскивать денежные начеты в размере от 50 до 250 руб. с работников МТС, виновных в неправильном хранении тракторов, сельскохозяйственных машин, запасных частей и горючего. Соответствующие меры принимались и на местах. Челябинский обком ВКП(б) запретил МТС оставлять в поле технику и горючее без охраны и работать на неисправных машинах. Для их своевременного ремонта обком рекомендовал организовать круглосуточную работу⁶.

¹ О проведении весеннего сева 1943 года // Сб. основных решений Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б). Свердловск, 1943. С. 29.

² Архив Министерства сельского хозяйства Челябинской области (далее – АМСХЧО). Оп. 4. Св. 13. Д. 74. Л. 43.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 482–484.

⁴ АМСХЧО. Оп. 4. Св. 17. Д. 74. Л. 43; ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1512. Л. 118.

⁵ Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. С. 37–39.

⁶ ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1616. Л. 9–11.

Однако добиться серьезного улучшения ситуации не удалось. Весной 1943 г. на полях оставались сотни комбайнов, большинство из которых были разукомплектованы¹.

Еще одной мерой по улучшению хранения техники стало наведение порядка на усадьбах МТС. В октябре 1944 г. Челябинский обком партии принял специальное постановление «О проведении месячника по наведению порядка и культуры на усадьбах МТС». В ходе месячника ремонтировались производственные и жилые помещения, устранялась захламленность территории, возводились постройки для хранения машин. К участию были привлечены не только работники МТС, но и колхозники. Все это способствовало сохранению техники в исправном состоянии².

Летом 1942 г. во время сражений под Сталинградом и на Кавказе серьезно осложнилась ситуация с горючим, в частности ухудшилось снабжение им сельского хозяйства. Требовался комплекс мер по экономии горюче-смазочных материалов, которые коснулись организации нефтяного хозяйства МТС. Нарком земледелия СССР И. А. Бенедиктов обязал наркомов земледелия союзных республик, областные и районные земельные отделы, директоров МТС уменьшить нормы расхода горючего не менее чем на 10 % от их фактического расхода на гектар тракторных работ. На нефтебазы МТС горючее поступало со складов Главнефтьсбыта, затем его развозили на заправочные пункты тракторных бригад. Оттуда направляли к участкам работы и наконец заливали в баки тракторов. По пути случались большие потери горючего, так как его неоднократно переливали в разную по емкости тару. Для сокращения потерь был запрещен отпуск горючего и масел с нефтебаз в неисправную тару. Запретили и хранение нефтепродуктов в неисправной таре, а также под открытым небом³.

Кроме того, к виновным в нерациональном расходовании горючего применялись строгие меры. Так, 20 июня 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об экономии и ликвидации разбазаривания горючего в МТС и совхозах»⁴, в котором предусматривалась материальная ответственность механизаторов за перерасход горючего в размере его пятикратной стоимости. Заведующие нефтехозяйствами МТС и колхозники-водители за недостачу горючего обязаны были выплатить штраф в размере его десятикратной стоимости. Продажа и обмен нефтепродуктов рассматривались как преступление, и виновные привлекались к уголовной ответственности⁵. В конце войны от практики наложения крупных штрафов стали постепенно отказываться. В феврале 1945 г. Наркомзем СССР издал приказ № 1092, в котором предложил областным земельным отделам списывать штрафы с механизаторов в случаях, когда пережог горючего был произведен не по их вине. Но и после этого штрафы оставались распространенным явлением. В 1945 г. только по Свердловской области их сумма составила 762 тыс. руб.⁶

В начальный период войны с целью экономии горючего часть техники стали переводить на местное топливо: дрова, торф, уголь. Осенью 1942 г. Наркомзем СССР установил для каждой области план перевода техники на твердое топливо, однако деньги на создание производственной базы по переоборудованию машин своевременно не перевел. Высылка необходимых инструкций и чертежей также была задержана. Отсутствовали в МТС и материалы для такого переоборудования⁷. Перевести машины на новое топливо, особенно в условиях жестко фондируемого снабжения, оказалось непросто.

¹ Государственный архив Курганской области. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 265. Л. 5.

² ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1616. Л. 9–11, 334.

³ МТС. 1942. № 6–7. С. 55, 56.

⁴ Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. С. 46–48.

⁵ МТС. 1942. № 2–3. С. 36–39.

⁶ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 898. Л. 75; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 338. Л. 5.

⁷ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3085. Л. 11; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1018. Л. 1; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 898. Л. 75.

Даже многие промышленные предприятия, не говоря уже о МТС, с ним не справились. Перевод техники на новое топливо затянулся. В Свердловской области изготовление газогенераторных установок было поручено 22 предприятиям, из них только 8 выполнили задание. В результате газогенераторные тракторы стали выполнять даже меньший объем работ, чем выполняли до войны дизельные тракторы¹.

Переводили технику и на другие виды топлива. Осенью 1941 г. в Свердловской области коллектив Невьянской МТС (директор Белоусов, начальник политотдела Андреев) выступил с предложением использовать в качестве топлива скипидар. В МТС было организовано производство скипидара, на котором работали легковые и грузовые автомашины. Инициативу поддержал Свердловский облисполком, но широкого распространения она не получила. В этой же области на Монетном механизированном лесопункте была построена смолаавтольная установка². Она позволяла получать автотракторный автол на основе древесной смолы.

Таким образом, не все меры по экономии горюче-смазочных материалов были удачными. Из-за сложности переоборудования машин и низкой производительности двигателей повсеместный перевод техники на твердое топливо не состоялся. Тем не менее он позволил сэкономить для фронта многие тысячи тонн горючего.

В условиях ослабления материально-технической базы сельского хозяйства партийные, советские и хозяйственные органы распорядились, чтобы сельские руководители перешли на широкое применение живого тягла, простейших машин и орудий. В постановлении Свердловского обкома партии и облисполкома от 2 июля 1941 г. указывалось на необходимость восстановления ранее выбракованных машин, кос, серпов, вил, сбри. В Челябинской области промышленным предприятиям было дано задание к августу 1941 г. изготовить для колхозов и совхозов 100 тыс. кос и 150 тыс. серпов³.

В условиях снижения уровня механизации большое значение приобрел рабочий скот. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах»⁴ требовало покончить с «беззаботным отношением к лошадям, обезличкой в использовании их на работах». За месяц до начала сельхозработ колхозы освобождались от трудгужповинности, рабочий скот ставился на усиленную подкормку и отдых. Привлекать скот из колхозов для выполнения каких-либо работ разрешалось лишь на основании постановлений СНК СССР⁵. Однако лошадей остро недоставало, поэтому в сентябре 1941 г. для обеспечения выполнения планов по севу, уборке, подъему зяби и др. колхозам было предложено задействовать на полевых работах волов, а в необходимых случаях — и коров. В марте 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) рекомендовали колхозам установить для коров норму выработки в размере одной трети от установленной для лошадей⁶. Коров на полевых работах использовали многие колхозы, в том числе в Пермской области: колхоз «Красный луч» Ординского района, колхозы «Муравейник», им. Петрова, им. Чапаева и др.⁷

Коренной перелом в ходе войны создал предпосылки для укрепления экономики СССР. Постепенно увеличивался выпуск техники для сельского хозяйства. Весной

¹ Венжер В. Г. Основные вопросы производственной деятельности МТС. М., 1949. С. 68; ГАСО. Ф. 241. Оп. 4. Д. 644. Л. 22; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 998. Л. 40.

² МТС. 1943. № 4. С. 18; № 8–9. С. 41; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5-112. Л. 330. В Свердловской области скипидар в качестве топлива использовала и Городищенская МТС.

³ Корнилов Г. Е., Мотревич В. П. Колхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1985. С. 24.

⁴ Советская Сибирь. 1943. 15 мая.

⁵ Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. С. 81–82.

⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. С. 382.

⁷ Рабинович М., Соколов Т. Организация весенних полевых работ. Молотов, 1944. С. 22.

1943 г. постановлением «О мероприятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий» были намечены меры по увеличению производства сельскохозяйственной техники, главным образом — на конной тяге¹. С этой целью предусматривалось выделение необходимого количества металла, который запрещалось расходовать на другие заказы, включая военные. На заключительном этапе войны запасные части стали чаще изготавливаться непосредственно на промышленных предприятиях, где для этого создавались специальные цехи и участки. Большое значение имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обеспечении запасными частями и материалами ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин в I квартале 1943 г. и о расширении производства запасных частей на существующих заводах»². В нем промышленным наркоматам предлагалось рассмотреть и утвердить соответствующие программы. Производство запасных частей приравнивали к оборонным заказам. В 1944 г. к их изготовлению были привлечены промышленные предприятия всех наркоматов. В этом же году на Мотовилихинском заводе в Перми наряду с производством пушек был налажен выпуск коленчатых валов для тракторов, из-за отсутствия которых простаивало много техники³.

Важным элементом материально-технической базы сельского хозяйства является электрификация. Она увеличивает производительность земледельческого труда, способствует механизации трудоемких процессов и сокращает потребность в рабочей силе, улучшает условия труда сельских тружеников. Война задержала развитие сельской электрификации, однако в тыловых районах она продолжалась. В феврале 1945 г. правительство СССР приняло постановление «О развитии сельской электрификации»⁴. В нем одобрялась инициатива Горьковской, Пермской, Свердловской, Ярославской областей и Узбекской ССР по электрификации сельского хозяйства и намечались меры по оказанию помощи деревне в этом деле. В частности, промышленным наркоматам предлагалось увеличить выпуск электромоторов и оборудования для электростанций. Только за 1945 г. электричество в стране было проведено в 2422 колхоза и 679 МТС⁵.

В некоторых районах Свердловской области сельская электрификация приняла характер массовых народныхстроек. Нередко несколько колхозов объединялись для сооружения межколхозных электростанций. В течение последнего года войны на Среднем Урале построили 118 гидростанций и 238 тепловых станций, что позволило электрифицировать сотни сельхозпредприятий. По данным на конец года, 35 % колхозов и 63 % МТС области получали электроэнергию. Массовый характер сельская электрификация приобрела также в Пермской и Челябинской областях, где в 1945 г. были электрифицированы 24 МТС и сотни колхозов. В аграрных областях края — Оренбургской и особенно Курганской — масштабы сельской электрификации были незначительными. В хозяйствах Урала появились электронасосные установки, электрифицированные лесопилки, мельницы, станки для заготовки чурки для газогенераторных тракторов. Электродвигатели стали использовать в машинах для очистки зерна, при подготовке кормов и т. п. Однако если среди государственных сельскохозяйственных предприятий электрифицированные составляли свыше половины, то среди колхозов — менее одной десятой. Электрический свет в колхозах по-прежнему был редкостью, особенно в отдаленных районах. В конце 1945 г. в Оренбургской области электроэнергию получали 1 % колхозов, а в Курганской — 0,5 %⁶. Следует отметить, что роль электрификации

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. С. 392–395.

² История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987. С. 201.

³ Слово о Мотовилихе. Пермь, 1974. С. 553–554.

⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 2: 1929–1945 годы. М., 1957. С. 856–860.

⁵ Богдашкин П. И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М., 1960. С. 441.

⁶ Мотревич В. П. Электрификация сельского хозяйства Урала в 1940–1950-е гг. // Аграрный вестн. Урала. 2013. № 5. С. 34–35.

для колхозного производства в целом была невелика: большая часть электроэнергии по-прежнему шла на освещение, а построенные электростанции были небольшими и постоянно выходили из строя.

Таким образом, несмотря на принимаемые на основании многочисленных нормативных документов меры, сокращение машинно-тракторного парка, ухудшение снабжения горючим и запасными частями серьезно ослабили материально-техническую базу сельского хозяйства. В этих условиях выполнить возросший объем сельскохозяйственных работ можно было только за счет огромного трудового напряжения, увеличения объема конно-ручных работ.

Между тем война внесла изменения в численность и состав крестьянства. Доля трудоспособных колхозников серьезно сократилась. Среди них 4/5 стали составлять женщины. Это негативно отразилось на трудоспособности сельского населения, выдвинуло в число главнейших проблему нехватки массовых колхозных кадров, которая особенно остро ощущалась во время уборочных работ.

Сокращение сельского населения приводило к увеличению нагрузки посевных площадей на единицу рабочей силы. В наиболее тяжелом положении оказались южно-уральские области. В 1942 г. в Челябинской области на одного трудоспособного колхозника приходилось 10,8 га, в Оренбургской — 11,6 га посева¹. В аналогичном положении были лишь некоторые районы Сибири и Поволжья, в частности Алтайский край, Новосибирская и Саратовская области. В остальных же районах страны нагрузка посева на работника не превышала 2–3 га.

Перестройка народного хозяйства, в том числе сельского, не требовала такого коренного изменения производства, как в промышленности, перешедшей на выпуск военной продукции, однако чтобы получить максимальное количество продукции в условиях резкого сокращения ресурсов сельскохозяйственного производства требовалось найти замену выбывшим массовым и квалифицированным кадрам, правильно организовать их работу, использовать материальные, моральные и правовые стимулы к труду.

Большое внимание уделялось привлечению на производство неработающих трудоспособных женщин. В начале августа 1941 г. в Свердловской области Красноуфимский РК ВКП(б) провел несколько собраний с женщинами-домохозяйками, призвав их к участию в уборочных работах. Эти усилия принесли результаты: уже к 20 августа свыше 300 женщин вышли работать в колхозы района². Перед войной в Свердловской области 12 % всех невыходов женщин на работу в колхозы было связано с их занятостью в семье³. В большинстве артелей они занимались преимущественно личным подсобным хозяйством. С началом войны для женщин-матерей стали по возможности создавать условия, позволявшие им работать в колхозах. В сельской местности расширялась сеть сезонных и постоянных яслей и детских площадок. Уже в конце июня 1941 г. Свердловский облисполком принял специальное решение по этому вопросу⁴. Данные меры позволили женщинам-колхозницам более активно трудиться в общественном хозяйстве. В некоторых артелях, например в Челябинской области, не было случаев невыхода трудоспособных женщин на работу. В Белозерском районе из 4 тыс. колхозниц лишь 173 не работали по беременности или болезни⁵.

Вовлечение в производство всех слоев сельского населения значительно облегчило решение проблемы массовых колхозных кадров. Сделанные по материалам сводных годовых отчетов колхозов Оренбургской, Пермской и Свердловской областей расчеты показывают, что вовлечением в общественное производство неработающих трудоспо-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 678. Л. 24, 34.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 36. Д. 196. Л. 15.

³ История советского крестьянства. Т. 3. С. 35.

⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5018. Л. 319.

⁵ История СССР: С древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 81.

собных женщин, престарелых и нетрудоспособных колхозников, а также подростков в 1941 г. убыль рабочей силы из колхозов в количественном отношении удалось компенсировать на 35,9 %, в 1942 г. — на 24,2, в 1943 г. — на 4,7, в 1944 г. — на 0,4 %. Таким образом, если в начальный период войны убыль рабочей силы из колхозов удавалось частично компенсировать за счет не работавших ранее женщин, подростков, престарелых и нетрудоспособных колхозников, то в 1943–1944 гг. она уже не возмещалась. Даже в 1945 г., когда стали возвращаться демобилизованные, убыль рабочей силы превышала ее прирост¹. Поэтому на сельскохозяйственные работы стали активно привлекать горожан. В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». Совнаркомом союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам было разрешено в наиболее напряженные периоды сельхозработ привлекать к ним незанятое городское население и лиц, не задействованных на предприятиях промышленности и транспорта, часть служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений, учащихся 6–10-х классов, студентов, за исключением студентов выпускных курсов вузов. Из числа трудоспособного населения мобилизации подлежали лица мужского пола от 14 до 50 лет. Учащихся школ направляли в села (раздельно мальчиков и девочек) во главе с учителями.

Первыми к мобилизации городского населения на работу в сельскую местность приступили индустриальные области Урала. Уже 11 июля 1941 г. Свердловский и Челябинский облисполкомы приняли решения о привлечении на работу в колхозы учащихся 8–10-х классов, а 26 августа — и трудоспособного городского населения. Летом и осенью 1941 г. только на Среднем Урале в колхозах трудились 100 тыс. горожан². В 1942 г. в Челябинской области на уборку урожая были мобилизованы 150 тыс. человек, в том числе 8 тыс. студентов, 19 тыс. школьников, 4 тыс. учителей³.

Тех, кто уклонялся от мобилизации на сельхозработы или самовольно уходил с них, привлекали к уголовной ответственности. 15 апреля 1942 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольный уход мобилизованных с работы». В соответствии с ним виновные привлекались к уголовной ответственности и подвергались по приговору народного суда принудительным работам по месту жительства на срок до 6 месяцев с удержанием из зарплаты до 25 %⁴.

С первых дней войны на работу в колхозы вышло все сельское население. Вместе с колхозниками самоотверженно трудились работники МТС и земельных органов, подростки, нетрудоспособные и престарелые, мобилизованные и эвакуированные граждане. Однако интенсивность труда подростков, престарелых и нетрудоспособных была намного ниже, чем у мужчин, а мобилизованные хотя и вырабатывали много трудодней, но удельный вес их был невелик. В результате общее количество трудодней, вырабатываемых в колхозах, стало из года в год уменьшаться. Несмотря на все усилия и массовый трудовой героизм, трудодни выбывших колхозников в колхозах Урала в 1943 г. возмещались всего наполовину. Особенно неблагоприятная обстановка сложилась на Южном Урале: в Оренбургской, Курганской и Челябинской областях. Трудодни выбывших колхозников там компенсировались лишь на 30–40 %.

Уходили на фронт и руководящие кадры сельского хозяйства, колхозные специалисты, механизаторы. Как известно, существовавшая в годы войны система бронирования почти не распространялась на сельских тружеников. Получали бронь лишь неко-

¹ Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 50.

² ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4990. Л. 118; Д. 5020. Л. 4–5; Д. 5039. Л. 166; ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1382. Л. 47; Д. 1391. Л. 11.

³ Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. С. 388–389.

⁴ Там же. С. 387–388.

торые специалисты областных и районных земельных отделов, работники Наркомата заготовок, а также часть механизаторов. Что же касается колхозных руководителей и специалистов, то уже летом — осенью 1941 г. значительная часть их была призвана в РККА. Например, в колхозе им. Кирова (Полтавский район Челябинской области) на протяжении военных месяцев 1941 г. сменилось шесть бригадиров и пять заведующих товарными фермами, в колхозе им. Ворошилова — все бригадиры и три председателя¹. Всего на протяжении 1941-1942 гг. из области на фронт ушло свыше четверти директоров МТС и совхозов, две трети председателей сельсоветов и колхозов, подавляющее большинство механизаторов, а также агрономов, зоотехников и других сельских специалистов². В 1944 г. менее трети руководителей колхозов имели довоенный стаж работы в этой должности³.

Проблема руководящих колхозных кадров, особенно председателей, усугублялась сложившейся в ходе коллективизации практикой руководства артелями со стороны местных партийных, советских и хозяйственных органов. В годы войны большинство хозяйств в силу объективных причин установленные им планы заготовок не выполняли. Отвечали за это в первую очередь председатели. Только в Челябинской области были сняты как не справившиеся с руководством 443 председателя колхоза⁴.

Подобный стиль руководства колхозами был характерен и для других районов страны. В этой обстановке в феврале 1942 г. ЦК ВКП(б) опубликовал постановление «О неправильном отношении Кировского обкома ВКП(б) к подбору руководящих кадров в колхозах»⁵, в котором осудил подобное отношение местных органов власти и управления к колхозным руководителям и потребовал строжайшего соблюдения партийных принципов в подборе и расстановке кадров. Однако на местах данное постановление выполнялось не всегда. Так, в 1943 г. в Свердловской области были сняты как не справившиеся с работой 317 председателей колхозов (15 % от их численности), а 126 отданы под суд⁶. Нарушения закона при рассмотрении дел председателей были столь многочисленны, что в августе 1947 г. Пленум Верховного Суда Союза ССР был вынужден принять постановление «О порядке рассмотрения дел о преступлениях по должности председателей колхозов». В нем указывалось на случаи неправильного привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Для уменьшения влияния местных властей на судебные органы ведение дел о преступлениях председателей колхозов передавалось областным, краевым или верховным судам автономных республик⁷.

В военное время из-за нехватки людских ресурсов особое значение приобрело использование техники, позволявшей экономить ручной труд. В годы довоенных пятилеток по мере укрепления материально-технической базы сельского хозяйства в деревне росла численность механизаторов. Комбайнеры, а также машинисты молотилок числились в штатах МТС, т. е. считались работниками государственных предприятий, но целиком были заняты в колхозном производстве. Подавляющая часть сельских механизаторов имела призывной возраст. В 1939 г., по данным Всесоюзной переписи населения, возраст 85 % трактористов-мужчин и 92 % комбайнеров составлял от 20 до 40 лет⁸. Уже летом 1941 г. десятки тысяч этих работников были призваны в РККА. В Арамильской МТС (Свердловская область) в первые два года войны из

¹ ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 828. Л. 4.

² Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне, 1941—1945. Челябинск, 1981. С. 41, 156.

³ Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 401—404.

⁴ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне, 1941—1945. С. 193.

⁵ Партийное строительство. 1942. № 4. С. 43—44.

⁶ Наумова Л. Г. Партийное руководство сельским хозяйством Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Учен. зап. Пермского педагог. ин-та. 1968. Т. 51. С. 88.

⁷ Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. М., 1948. С. 327.

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1736. Л. 244; Д. 1746. Л. 186, 192; Д. 1751. Л. 183, 189; Д. 1752. Л. 141, 147.

100 механизаторов на фронт ушло 75¹. Примерно такое же соотношение наблюдалось и в других МТС.

Для замены выбывших механизаторов принимались срочные меры. В сентябре 1941 г. Челябинский облисполком предложил председателям исполкомов районных советов в трехдневный срок выявить всех не работающих по специальности трактористов и комбайнеров и направить их на уборку урожая². Среди колхозников многие, особенно женщины, имея механизаторские профессии, не работали в МТС. Только в Свердловской области за годы третьей пятилетки было подготовлено 1250 женщин-механизаторов, из них по специальности работали 707 человек, т. е. 57 %³. С началом войны многие женщины стали возвращаться на работу в МТС. Привлечение к работе бывших механизаторов, а также использование эвакуированных могли лишь частично решить проблему кадров МТС. Поэтому в стране развернулась их массовая подготовка. Она велась в школах механизации, на курсах при МТС. Получившие специальность должны были проработать в МТС не менее двух лет. Лица, оставившие учебу без уважительной причины, привлекались к уголовной ответственности⁴. На механизаторов обучалось не только местное, но и эвакуированное население. В Свердловской области, например, была организована подготовка механизаторов из эвакуированного населения Белоруссии и Латвии⁵.

Имевшихся механизаторов не хватало для двухсменной работы, поэтому в июле 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о направлении в МТС в ответственные периоды работ по ремонту техники и уборке урожая квалифицированных рабочих с промышленных предприятий (но не в ущерб выполнению военных заказов). Местным органам рекомендовалось привлекать к уборке урожая рабочих, умевших управлять комбайном⁶. На Урале, в частности в Свердловской и Челябинской областях, в связи с большой нехваткой механизаторов подобные меры предпринимались и раньше⁷. Таким образом, благодаря указанным мерам в основном удалось решить проблему нехватки механизаторских кадров.

Анализ принимаемых в годы Великой Отечественной войны в СССР нормативных документов свидетельствует о заметном усилении административного давления государственного аппарата на сельское хозяйство, которое имело далеко не однозначные последствия. С одной стороны, высокая централизация управления помогла отрасли легче адаптироваться к экстремальным условиям военного времени, мобилизовать материальные и трудовые ресурсы, в результате чего страна обеспечивалась необходимым минимумом продовольствия. С другой стороны, достигнуто это было за счет колоссальных усилий и огромных жертв.

Библиография

Анисков В. Т. С полей колхозных на поля сражений 1941–1945. Ярославль, 1975.

Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М., 1970.

Архив Министерства агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области. Оп. 11. Св. 54. Д. 312. Л. 65.

¹ Вилунас Ю. Г. История Арамильской МТС // Сб. науч. раб. УрГУ. 1960. Вып. 3. С. 77.

² ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 3. Д. 24. Л. 69.

³ Архив Министерства агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области. Оп. 11. Св. 54. Д. 312. Л. 65.

⁴ Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. С. 55.

⁵ ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 988. Л. 23; Д. 1018. Л. 13; приказы Свердловского областного земельного отдела от 31 декабря 1942 г. № 457 и от 19 августа 1943 г. № 17.

⁶ Правда. 1943. 18 июля.

⁷ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1757. Л. 403–404; Д. 5105. Л. 339; ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 3. Д. 24. Л. 69.

Архив Министерства сельского хозяйства Челябинской области. Оп. 4. Св. 13. Д. 74. Л. 43; Оп. 4. Св. 17. Д. 74. Л. 43.

Богдашкин П. И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М., 1960.

Венжер В. Г. Основные вопросы производственной деятельности МТС. М., 1949.

Вилунас Ю. Г. История Арамилской МТС // Сб. науч. раб. УрГУ. 1960. Вып. 3.

Государственный архив Курганской области. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 265. Л. 5.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1736. Л. 244; Д. 1746. Л. 186, 192; Д. 1751. Л. 183, 189; Д. 1752. Л. 141, 147.

Государственный архив Свердловской области. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1757. Л. 403–404; Д. 4990. Л. 118; Д. 5–112. Л. 330; Д. 5018. Л. 319; Д. 5020. Л. 4–5; Д. 5039. Л. 166; Д. 5105. Л. 339; Ф. 241. Оп. 4. Д. 644. Л. 22; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 898. Л. 75; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 338. Л. 5; Д. 988. Л. 23; Д. 998. Л. 40; Д. 1018. Л. 1, 13.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 2: 1929–1945 годы. М., 1957.

История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987.

История СССР: С древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7.

Корнилов Г. Е., Мотревич В. П. Колхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1985.

Лихоманов М. И. Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942). Л., 1975.

Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны // В. И. Ленин и опыт социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1990.

Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990.

Мотревич В. П. Машинно-тракторные станции на Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрный вестн. Урала. 2013. № 4.

Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург, 1993.

Мотревич В. П. Электрификация сельского хозяйства Урала в 1940–1950-е гг. // Аграрный вестн. Урала. 2013. № 5.

МТС. 1942. № 2–3; № 6–7; 1943. № 4; № 8–9.

Наумова Л. Г. Партийное руководство сельским хозяйством Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Учен. зап. Пермского педагог. ин-та. 1968. Т. 51.

О проведении весеннего сева 1943 года // Сб. основных решений Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б). Свердловск, 1943.

Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1382. Л. 47; Д. 1391. Л. 11; Оп. 3. Д. 1512. Л. 118; Д. 1616. Л. 9–11, 334; Ф. 485. Оп. 1. Д. 828. Л. 4; Д. 884. Л. 138; Ф. 1378. Оп. 4. Д. 265. Л. 35; Ф. 1379. Оп. 3. Д. 24. Л. 69. Ф. 274. Оп. 3.

Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Челябинск, 1981.

Партийное строительство. 1942. № 4.

Правда. 1942. 28 янв.; 1943. 18 июля.

Рабинович М., Соколов Т. Организация весенних полевых работ. Молотов, 1944.

Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 678. Л. 24, 34; Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3085. Л. 11.

Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. М., 1948.

Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. Челябинск, 1945.

Слово о Мотовилихе. Пермь, 1974.

Советская Сибирь. 1943. 15 мая.

Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002.

Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 36. Д. 196. Л. 15.

Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов. Кн. 1. М., 1967.